

Калашникова Евгения Владимировна

РОМАН Д. Н. БЕГИЧЕВА "СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХ" И КОМЕДИЯ А. С. ГРИБОЕДОВА "ГОРЕ ОТ УМА" КАК ИНТЕРТЕКСТ

В статье говорится о об интертекстуальных связях литературы середины XIX века на примере использования параллелей, цитат, реминисценций из комедии А. С. Грибоедова "Горе от ума" в нравоописательном романе Д. Н. Бегичева "Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян". Также показана роль романа в аспекте ознакомления обширного круга "средних" читателей с литературным шедевром своего времени.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 105-107. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 8, 82.0

Филологические науки

В статье говорится о об интертекстуальных связях литературы середины XIX века на примере использования параллелей, цитат, реминисценций из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» в нравоописательном романе Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян». Также показана роль романа в аспекте ознакомления обширного круга «средних» читателей с литературным шедевром своего времени.

Ключевые слова и фразы: интертекстуальность; нравоописательная проза; литература для «среднего» читателя; стимулирующее чтение.

Калашникова Евгения Владимировна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

jane-ka74@mail.ru

**РОМАН Д. Н. БЕГИЧЕВА «СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХ»
И КОМЕДИЯ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА» КАК ИНТЕРТЕКСТ®**

Роман Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян», будучи одним из ярких примеров нравоописательной беллетристики, имел для «среднего» читателя 1830-х годов значение своеобразного культурного стимулятора, поскольку содержал весомое количество интертекстуальных включений самого разного плана. Это и традиционные цитаты из Библии, долженствующие напомнить о «вечных» истинах, и ссылки (косвенные и прямые) на произведения западноевропейских и отечественных авторов, признанные читателями и литературной критикой как высшие творческие достижения. Одним из таких шедевров, оказавшимся для Д. Н. Бегичева-романиста настоящим кладом остроумных и метких наблюдений над современным состоянием общества, стала комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума».

И автор драматического произведения, и его персонажи присутствуют в бегичевском повествовании повсеместно, в самых различных ситуациях: от непосредственного цитирования текста до совпадения имен, схожести сюжетных линий, однотипности образов и детализированных портретных характеристик. Обращение автора «Семейства Холмских» к комедиографу в первую очередь может быть обусловлено тем преклонением перед личностью и талантом А. С. Грибоедова, которое существовало в семье Бегичевых и поддерживалось тесными личными контактами. Как известно, будущий автор комедии еще во время службы в Иркутском гусарском полку (1812 г.) «познакомился и близко сошелся с адъютантом при генерале Кологринове, С. Н. Бегичевым, дружба с которым связывала его потом всю жизнь» [3, с. 7]. Степан Никитич Бегичев, родной брат будущего автора «Семейства Холмских», стал ближайшим другом и единомышленником комедиографа, что подтверждается всеми современниками. Существенен, например, тот факт, что среди девятиста двух писем к разным адресатам, опубликованным в полном собрании сочинений А. С. Грибоедова в 1892 году, двадцать семь обращены именно к С. Н. Бегичеву. В этих письмах мы находим и упоминания о Дмитрии Никитиче Бегичеве, из которых также становится несомненным чувство взаимной симпатии, связывающее авторов «Горя от ума» и «Семейства Холмских». Так, в письме от 9 сентября 1818 года читаем: «Любезнейший Степан! Письмо это пишу у твоего брата... Ты можешь представить, обрадовался-ли я Дмитрию Ник<итичу>» [Там же, с. 275].

Широко известен и тот факт, что ранний рукописный вариант бессмертной комедии долгое время сохранялся С. Н. Бегичевым, благодаря чему в 1912 году были окончательно рассеяны скептические домыслы об авторстве произведения [5, с. 388-443].

Таким образом, мы можем говорить о том, что, входя через посредство брата в круг общения знаменитого драматурга, Д. Н. Бегичев стал «избранным», одним из тех, кто первым мог слышать бессмертные стихи из уст самого автора.

Как уже отмечалось, в романе «Семейство Холмских» многие из действующих лиц наделяются не только сходными именами, но и легко узнаваемыми характерологическими чертами грибоедовских персонажей (о чем бегло упоминает В. П. Мещеряков) [4, с. 16-20].

Примером подобного узнавания является графиня Хлестова (у Грибоедова – старуха Хлестова, свояченица Фамусова). Ее присутствие в романе соотносимо с функциями однофамилицы в комедии: клевета и распространение слухов – неотъемлемые спутники образа. Молчалин у А. С. Грибоедова определен в секретари к Фамусову, у Д. Н. Бегичева одноименный герой играет, по сути, ту же роль у графа Клешина: «Он был самого миролюбивого характера, переносил всякие грубости, готов был на все *разнообразны* услуги...» [1, ч. 3, с. 248-249]. Сам же генерал Клешин кажется созданным по образу и подобию грибоедовского Скалозуба: «Рост его, две звезды, лента через плечо по жилету, и несколько крестов на шее, более же всего знатность и богатство его, внушали во всех к нему почтение» [Там же, с. 244].

А вот представители семейства Фамусовых, выведенные «на сцену» нравоописательного романа, далеко не во всем похожи на своих комедийных однофамильцев. Хотя, конечно, некоторые сатирические черты, свойственные, впрочем, многим другим персонажам бегичевского повествования, мы можем найти и у них. Отец-Фамусов у Бегичева изображен карикатурно, но все же несколько иначе, чем у Грибоедова. Если грибоедовский Фамусов деятелен и красноречив, то в «Семействе Холмских» он не произносит ни слова, бездарно «просидев» свою жизнь в кресле и куря трубку. Наличествуют и параллели иного типа. Вполне вероятно, в частности, что Любинька Фамусова разделит в будущем участь Софьи Фамусовой, ведь обе они увлечены французскими романами, сентиментальны, влюбчивы, не вполне адекватно воспринимают действительность.

Теперь обратимся к прямым цитатам из великой комедии. В одной из бесед Софья Холмская говорит сестре Елисавете: «Признайся, важная причина горести твоей заключается в словах, которыми оканчивает Грибоедов *Горе от ума*. Ах, Боже мой! что будет говорить / Графиня Марья Алексеевна!» [Там же, ч. 1, с. 170]. Отличие от грибоедовского текста, где мы читаем: «Ах! Боже мой! Что станет говорить / Княгиня Марья Алексеевна!» [2, с. 134], конечно, незначительно.

Существенно также, что в третьей части романа Д. Н. Бегичев ставит цитаты из «Горя от ума» эпиграфом к шестой главе, в которой идет речь о двух дядюшках одного из главных героев повествования Аглаева: первый – мот и сластолюбец, другой – скупец и ростовщик. Для выявления сути такого противопоставления-сопоставления, как и сущности главы в целом, автор романа вновь опирается на Грибоедова: «Но, укажите, где отечества отцы, / Которых мы должны принять за образцы?..», «Вот те, которые дожили до седин! / Вот уважать кого должны мы на безлюдьи! / Вот наши старики, взыскательные судьи!» [1, ч. 3, с. 122].

Конечно, бросается в глаза текстовое несоответствие с существующими изданиями комедии: «Где? укажите нам, отечества отцы, / Которых мы должны принять за образцы?» [2, с. 48] и «Вот те, которые дожили до седин! / Вот уважать кого должны мы на безлюдьи! / Вот наши строгие ценители и судьи!» [Там же]. Но такое несоответствие, на наш взгляд, не свидетельство забывчивости или цитирования «по памяти», а весьма важное подтверждение тому, что автор «Семейства Холмских» был знаком с одной из первых редакций произведения.

Активно цитируют Грибоедова и некоторые другие персонажи. Так, Аглаев замечает своему собеседнику: «Вижу по насмешливому виду твоему, что ты хочешь отпустить еще эпиграмму на мой счет:

...Но чтоб иметь детей,
Кому ума не доставало?» [1, ч. 3, с. 143].

Главу о женитьбе Алексея Холмского на дочери Фамусовых открывают слова грибоедовского Фамусова из второго действия комедии: «На все свои законы есть: / Вот например у нас уж исстари ведется, / Что по отцу и сыну честь; / Будь плохинький, да если наберется / Душ тысячи две родовых, – / Тот и жених...» [1, ч. 4, с. 37; 2, с. 45] (изменения в цитировании Бегичевым незначительны). Мысль ясна: соединение капиталов и надежда на богатое наследство являются определяющими моментами в размышлениях о целесообразности матримониальных отношений.

Не случайно также, что в одной из сюжетных линий участвуют персонажи с именами, которые читатель встречает у Грибоедова: Софья и Чадский (у Грибоедова – Чацкий). И герой Бегичева, так же как герой Грибоедова, став жертвой клеветы и обмана, решает «уехать тотчас из Москвы, в надежде, что время и отсутствие изгладят из сердца его все воспоминания» [1, ч. 1, с. 252]. Сама собой очевидна параллель с финалом комедии Грибоедова, где Чацкий восклицает:

«Вон из Москвы! сюда я больше не ездук.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!...» [2, с. 134].

Обратимся к не менее выразительным «частностям». По возвращении в Москву, когда Чадский узнает о том, что в свете он признан сумасшедшим, князь Фольгин говорит ему: «О тебе сказали, что ты точно помешался в уме, и что тебя, *по секрету*, здесь в Москве лечат. Многие добрые люди говорили даже, что слышали это от Доктора, который к тебе ездит» [1, ч. 2, с. 110]. И тут же добавляет реплику, объясняющую природу слуха и добавляющую характеристику к образу уже упомянутой нами героини: «Я думаю: потрудились распустить такие слухи милая графиня Хлестова: она ко всему способна» [Там же, с. 111]. Слух о помешательстве Чацкого в «Горе от ума» – одна из опорных точек в сюжетной линии пьесы, и московские барыни, подобные Хлестовой, играют не последнюю роль в его распространении.

В итоге – на протяжении всего романа – Д. Н. Бегичев активно использует имена, образы, детали, сюжетные линии, которые широкий круг российских читателей узнал, познакомившись с комедией А. С. Грибоедова.

Но не только «Горю от ума» уделено внимание в романе. Устраивая праздник в своем доме, князь Фольгин развлекает своих гостей инсценировкой ранней комедии А. С. Грибоедова – «Молодые супруги» [Там же, с. 124]. Д. Н. Бегичев не называет в своем тексте автора, но при распределении ролей между персонажами авторство выбранной для представления комедии становится очевидным. Но здесь уже явно доминирует романист, вовлекая великого драматурга в процесс художественного воплощения «мысли семейной», красной нитью проходящей через весь роман.

Итак, широко используя в своем романе параллели с европейской и русской литературой, цитируя литературные образцы, Д. Н. Бегичев не только описывает нравы и характеры дворянского общества своего времени, порой отражая картины быта и образы обывателей сатирически, но также преследует просветительские

цели. Среди этих целей – стремление познакомить широкий круг читателей с литературными шедеврами, где одно из ключевых мест занимает комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». Говоря об обывателях (без какого-либо негативного смысла), адресуя им свое произведение, автор «Семейства Холмских» «украшает» роман, использует материалы литературного Олимпа, привлекает внимание «среднего» читателя к творчеству авторов более высокого уровня, тем самым стимулируя обращение к высокой литературе.

Список литературы

1. **Бегичев Д. Н.** Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, Русских дворян. М.: Типография Николая Степанова, 1841.
2. **Грибоедов А. С.** Горе от ума. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1987. 480 с.
3. **Грибоедов А. С.** Полн. собр. соч. / под ред. Арс. И. Введенского. СПб.: изд. А. Ф. Маркса, 1892. 392 с.
4. **Мещеряков В. П.** Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX – начало XX в). Л.: Наука, 1983. 266 с.
5. **Пиксанов Н. К.** История текста «Горя от ума» и принципы настоящего издания // Грибоедов А. С. Горе от ума. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1987. С. 388-443.

**NOVEL “THE KHOLMSKY FAMILY” BY D. N. BEGICHEV
AND COMEDY “WOE FROM WIT” BY A. S. GRIBOEDOV AS INTERTEXT**

Kalashnikova Evgeniya Vladimirovna
Volgograd State Social-Pedagogical University
jane-ka74@mail.ru

The author tells about the intertextual relations of literature of the middle of the XIXth century by the example of the use of parallels, quotations, reminiscences from Griboedov's comedy –“Woe from Wit” in temper-descriptive novel –“The Kholmisky Family. Some Features of Tempers and Way of Life, Family and Alone, of the Russian Nobles” by D. N. Begichev, and also shows the role of the novel in the aspect of a broad range of –average” readers familiarization with a literary masterpiece of their time.

Key words and phrases: intertextuality; temper-descriptive prose; literature for –average” reader; stimulating reading.

УДК 82-1

Филологические науки

В статье освещается современная переводческая рецепция любовной лирики Ф. И. Тютчева немецкоязычным интерпретатором Кристофом Фербером, представлен развернутый сравнительный анализ перевода стихотворения «Последняя любовь». Обоснована адекватность воспроизведения переводчиком художественного мира русского поэта, его философских установок и стилистических особенностей изложения.

Ключевые слова и фразы: Ф. И. Тютчев; лирика; переводческая рецепция; интерпретация.

Кириенко Наталья Геннадьевна

Юргинский технологический институт (филиал) Томского политехнического университета
chenk@mail.ru

КРИСТОФ ФЕРБЕР – ПЕРЕВОДЧИК ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ Ф. И. ТЮТЧЕВА[©]

Отечественное тютчеведение располагает огромным исследовательским материалом творчества поэта, незаурядность которого состоит в том, что его личностное становление прошло в «Германии туманной», которая оказала огромное влияние на Тютчева-мыслителя.

Следует упомянуть, что обе жены Тютчева были немками по происхождению, и что своим первым браком он породнился с немецким поэтом Фридрихом Францем фон Мальтицем, дружил с Гейне, спорил с Шеллингом. Однако всю свою жизнь поэт разговаривал и думал не на немецком языке или на русском, а на языке дипломатии — французском. И славянофил Тютчев не понимал и не симпатизировал политике немецких государств (как и европейской политике вообще), о чем достаточно убедительно свидетельствуют его письма ко второй жене. Но, несмотря на это, он предпочитал оставаться в Германии, снова и снова был гоним из России, как он выражался, «Herausweh» (тоской и желанием находиться вне [России]). Сложно определить, в чем же заключалась эта «Herausweh»; но Тютчев, вне всякого сомнения, нашел что-то родное в немецкой культуре, так как обстановка, с которой он очень свыкся, постоянно привлекала его [3, S. 301]. Именно поэтому тютчевский гений принадлежит не только русской, но и мировой культуре.

Справедливым представляется тот факт, что творчество Тютчева-поэта все-таки получило резонанс в Германии, с которой его связала судьба. Рецепция лирики Тютчева в Германии – тема малоизученная. Тем не менее, переводческая рецепция лирики русского поэта охватывает как стихотворения, переведенные еще при жизни их автора, так и современные интерпретации. Обратимся к последнему на сегодняшний день переводу на немецкий язык любовной лирики Тютчева.